

2 (с 128)
В 744

ПРОВЕРено
1901

ПРОВЕРено
1901

5008

ВОСПОМИНАНІЯ

Василии Васильевичу

Болотову,

ПРОФЕССОРЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ

(† 5-го апрѣля 1900 года).

(Читано въ засѣданіи тверской ученой архивной комиссіи 21-го февраля 1901 года).

ТВЕРЬ.
Типографія губернскаго правленія.
1901.

ПРОВЕРЕНО
1986

ПРОВЕРЕНО
1997

2003

ВОСПОМНЕНИЯ

Воспоминания

Володаров

ПРОФЕССОР ПЕТЕРБУРГСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ

(7-го января 1900 года)

(1900-го года)

1900

116848

ка

ПРОВЕРЕНО
1986

2/1/1986

21(128)

В774

**Воспоминанія о Василии Васильевичъ Болотовѣ, про-
фессорѣ петербургской духовной академіи**

(† 5-го апрѣля 1900 г.).

*(Читано въ засѣданіи тверской ученой архивной комиссіи
21-го февраля 1901 г.).*

Недавно я имѣлъ пріятный случай получить для прочте-
нія біографическій очеркъ о покойномъ профессорѣ петербург-
ской духовной академіи В. В. Болотовѣ *). Это имя мгновенно
воскресило въ моей душѣ изъ далекаго прошлаго самая свѣт-
лая воспоминанія. Яркою полосой пронеслись передо мной
два года изъ моей дѣтской жизни, проведенные вмѣстѣ съ
мальчикомъ Васей Болотовымъ подъ одной съ нимъ кровлей,
въ кругу его матери и бабушки. Обаятельныя особенности
его дѣтской натуры, милыя черты этихъ двухъ добрыхъ
женщинъ возстали въ моемъ воображеніи съ такою живостью,
какъ будто совмѣстная жизнь наша проходила только
недавно. А между тѣмъ уже болѣе 40 лѣтъ отдѣляетъ меня
отъ того времени! Понятно, съ какимъ захватывающимъ
душу интересомъ я пробѣгалъ біографію В. В. Болотова, съ
какимъ душевнымъ волненіемъ слѣдилъ въ ней за его бле-
стящими шагами въ жизни, отъ скамьи даровитѣйшаго

*) Біографическій очеркъ о профессорѣ Болотовѣ, соста-
вленный М. В. Рубцовымъ и изданный Тверскою ученою архивною
комиссіею, любезно предложенъ мнѣ почтеннымъ предсѣдателемъ
комиссіи И. А. Ивановымъ.

Областная бібліотека
им. А. М. Горького
гор. Калинин

16878

школьника до степени выдающагося ученаго. Много біографическихъ данныхъ приведено о немъ въ брошюрѣ М. В. Рубцова; но много, полагаю, есть и такихъ, которыя вовсе не записаны: вѣдь могучія натуры оставляютъ по себѣ и широкіе слѣды. И мнѣ думается, что ни одна подробность, ни одна частность изъ жизни такихъ замѣчательныхъ людей, въ чьей бы памяти онѣ ни сохранились, не должны быть обойдены молчаніемъ, особенно изъ жизни дѣтской, до-школьной, о которой составители біографій обыкновенно имѣютъ самыя скудныя свѣдѣнія. Въ сознаніи этого долга я рѣшился воспроизвести, какъ очевидецъ, все, что знаю о мальчикѣ Болотовѣ въ періодъ его 4—6 лѣтняго возраста.

Родился я въ 1848 году, слѣдовательно 5-ю годами ранѣе В. В. Болотова, и первые годы своего дѣтства провелъ въ поселкѣ при погостѣ Рожкѣ, Осташковскаго уѣзда, гдѣ жили мои родители. Сельскихъ школъ въ то время почти не было, и только въ концѣ 50-хъ годовъ онѣ стали появляться кое-гдѣ въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ. Такова была и школа въ селѣ Кравотыни, въ 10 верстахъ отъ погоста Рожка. Туда-то и отдалъ меня отецъ въ ученье осенью 1857 года, на 9-мъ году моего возраста. На квартиру же отецъ помѣстилъ меня къ просвирицѣ кравотынской церкви, Марьѣ Ивановнѣ Болотовой, вѣроятно, зная ее за хорошую женщину. Это и была мать Васи Болотова, которому тогда было только около 4-хъ лѣтъ. Съ ними же жила и старушка—мать Марьи Ивановны, вдова священника села Кравотыни.

Семья Болотовыхъ съ самаго начала, какъ я поселился у нихъ, произвела на меня самое пріятное впечатлѣніе и сразу расположила къ себѣ мою дѣтскую душу. Марья Ивановна и ея старушка-мать всегда обходились со мной такъ пріятливо, съ такою ласкою, что я чувствовалъ себя среди нихъ, какъ въ родной семьѣ. Доброта этихъ женщинъ про-

свѣчивала на каждомъ шагѣ. Самыя маленькій Вася, почти еще младенецъ, болѣе и болѣе мнѣ нравился. Уже отъ въ этомъ возрастѣ онъ не былъ похожъ на своихъ однолѣткою. Я не запомню случая, чтобы онъ въ чемъ-нибудь какъ призначалъ, чтобы мнѣ досадилъ, что-либо напроказилъ, и вообще допустилъ себѣ такія шалости, которыя хотя и свойственны дѣтскому возрасту, но подчасъ неособенно бывають пріятны для окружающихъ. Особенно любилась мнѣ въ глаза въ семьѣ Болотовыхъ какая-то патриархальная простота и всегдашняя религіозная настроенность. Никогда въ ихъ маленькомъ домикѣ не слышалось никакихъ-либо праздныхъ, неумѣстныхъ разговоровъ, никакихъ злословій, сплетенъ, осужденій и насмѣшекъ надъ другими. Тѣмъ менѣе можно было замѣтить между ними хотя малѣйшій разладъ во взаимныхъ ихъ отношеніяхъ: среди нихъ постоянно витало духомиріе и взаимной любви. Въ маленькомъ Васѣ имать и по бабушка души не чаяли; онъ оберегали каждый его шагъ, и заботливо слѣдили за его здоровьемъ. Но еще болѣе замѣчательно ихъ доброе воздѣйствіе на душу любимаго смальчика. Каждый день, утромъ и вечеромъ, Марья Ивановна любовно ставила Васю Болотова предъ святыми иконами и по-долгу молилась съ нимъ вмѣстѣ, заставляя прочитывать заученныя наизусть молитвы или выучивая предъ иконами новыя. Молитвы предъ обѣдомъ и ужиномъ точно такъ же исполнялись весьма строго. Опущеніе церковныхъ службъ считалось большимъ грѣхомъ, и исключеніе дѣлалось только развѣ по болѣзни и другимъ неожиданнымъ препятствіямъ. Исполненіе постовъ соблюдалось въ такой степени, что даже маленькому Васѣ не разрѣшалось принимать пищу раньше окончанія обѣдни, если была служба. За такую любовь и попеченіе матери и бабушки Вася Болотовъ платилъ имъ съ своей стороны самую горячую дѣтскою привязанностью. Онъ старался имъ во всемъ угодить, оказывалъ во всемъ послушаніе, держался большею частью ихъ общества, не стремясь на улицу для игръ съ сверстниками,

и мнѣ никогда не приходилось видѣть, чтобы онъ въ чемъ нибудь провинился предъ матерью или бабушкой. Читая біографію профессора Болотова, невольно поражаешься плодотворностью зерна этихъ чистыхъ семейныхъ отношеній, возраставшихъ величавый образъ человѣка, съ неувядаемою до конца жизни чистотою сердца и съ самою нѣжнѣйшею привязанностью къ своей матери. Поистинѣ поучительный примѣръ для родителей!

Другая черта, сохранившаяся въ моей памяти о Болотовыхъ,—это трудовая жизнь семьи. Марья Ивановна осталась по смерти своего мужа, дѣячка, безъ всякихъ средствъ. Но никогда не замѣтно было, чтобы она унывала, падала духомъ, роптала на свою судьбу, или прибѣгала къ выпрашиванью. Во всемъ она полагалась на помощь Божию да на свой трудъ. Первоначально единственнымъ ея средствомъ къ жизни было печеніе просфоръ для кравотынской церкви. Но это занятіе давало ей слишкомъ незначительный заработокъ, что-то въ родѣ 10 или 12 р. въ годъ, не помню хорошенько. Приходилось отыскивать другія средства къ пропитанію себя, Васи и старушки матери. И вотъ Марья Ивановна принялась за шитье простонароднаго платья для окружныхъ крестьянъ. Трудъ этотъ окупался, конечно, очень дешево; увеличить заработокъ можно было только количествомъ работы: поэтому нужно было безъ устали трудиться. Оттого ни одинъ день, ни одинъ часъ не проходилъ безъ дѣла: Марья Ивановна то готовитъ и печетъ просфоры, то кроить, то шьетъ, то штопаетъ что—нибудь для своего Васи и всегда безъ ропота, ровно, спокойно. Старушка, мать ея, тоже не безъ дѣла, для ней посильнаго: прядетъ, вяжетъ, разматываетъ нитки, хлопочетъ по хозяйству. Эту черту неустаннаго труда унаслѣдовалъ отъ нихъ и Вася Болотовъ, какъ видно изъ его біографіи.

Но самымъ дорогимъ для меня воспоминаніемъ остаются и до сихъ поръ наши особенныя дѣтскія отношенія съ Васей Болотовымъ. Я уже упоминалъ, что всей душой былъ при-

визанъ къ семьѣ Болотовыхъ. Но со второго года моего у нихъ пребыванія привязанность къ Васѣ получила характеръ еще болѣе дружественный. Это не были разныя игры и забавы, которыя такъ часто сближаютъ дѣтей; при томъ же для такого сближенія насъ разобщала разность по возрасту на 5 лѣтъ. Но случилось такъ, что эта самая разность лѣтъ скрѣпила наши отношенія на другой почвѣ,—на почвѣ ученія. Когда я, возвращаясь домой изъ школы, готовилъ свои уроки, Вася ни на шагъ не отходилъ отъ меня: онъ вдумчиво смотрѣлъ на меня и внимательно слушалъ, что я читаю или заучиваю. Я сталъ замѣчать, что ему чрезвычайно нравятся мои пересказы вслухъ всего прочитаннаго или выученнаго на память. Все это въ высшей степени его интересовало, и онъ самъ старался съ точностью передать своими словами все слышанное отъ меня. Такимъ образомъ мало-помалу я очутился въ роли ментора маленькаго Васи,—и это льстило моему дѣтскому самолюбію. Я гордился, что могу передать другому свои познанія, и, соревнуя съ такимъ любознательнымъ мальчикомъ, старался еще болѣе заинтересовать его къ ученю. Съ этою цѣлью я показывалъ ему въ книгахъ разныя картинки, объяснялъ, какъ умѣлъ, азбуку, рассказывалъ о томъ, что и гдѣ видѣлъ или слышалъ и т. п., и такимъ путемъ мы дошли до того, что Вася незамѣтно, и какъ бы не учась, перенялъ всю азбуку и выучился читать. Меня радовало, что онъ такъ хорошо все понимаетъ, такъ быстро все усваиваетъ памятью; любознательность же Васи становилась съ теченіемъ времени все сильнѣе. По поводу видѣнныхъ картинокъ онъ больше и больше сталъ осаждать меня своими разспросами о разныхъ предметахъ, чрезвычайно всѣмъ интересуясь и допытываясь основательныхъ разьясненій. Вопросы: гдѣ? какъ? почему? и пр. стали слышаться чаще, и ставили меня иногда въ неловкое положеніе. Что я зналъ самъ, тѣмъ дѣлился охотно съ пытливымъ мальчикомъ; но нерѣдко случалось, что его вопросы превышали запасъ моихъ свѣдѣній и не

находили у меня яснаго отвѣта, или вовсе оставались безъ отвѣтовъ. А раздобыться нужными свѣдѣніями было негдѣ.

Здѣсь мои воспоминанія невольно переносятся въ сферу тогдашней школы. Старая школа 50-хъ годовъ была не то, что нынѣшняя. Теперь любознательность дѣтей, выражающаяся въ ихъ запросахъ, даже не относящихся прямо къ программѣ, по возможности удовлетворяется, а многими учителями положительно поощряется. Тогда было не то: учебное дѣло ограничивалось задаваніемъ уроковъ, затверживаніемъ ихъ на память, выслушиваніемъ ихъ и необходимою со стороны учителя приправою для провинившихся, — «сѣкуцію». Огромна была разница и въ самыхъ школьныхъ книгахъ. Теперь ихъ издается множество, съ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, откуда пытливый умъ ребенка можетъ извлечь для себя то, что ему хочется разгадать. Тогда же единственными книгами въ школѣ были: букварь церковной печати, часословъ, псалтирь и другія церковныя книги, которыя приходилось заучивать на память, а разсуждать не полагалось. Учителемъ кравотынской школы былъ въ то время студентъ семинаріи (Д. М. Спе-скій), человекъ, какъ намъ казалось, съ большими познаніями, но и онъ заплатилъ дань своему времени: тотъ же стародавній методъ преподаванія и та же горькая приправа къ ученью, — розга. При томъ же онъ былъ строгъ и взыскателенъ, — и подступиться къ нему съ вопросами, волнующими душу, было страшно. Такъ мнѣ и не удавалось ни отъ учителя, ни изъ книгъ добыть въ затруднительныхъ случаяхъ тѣ свѣдѣнія, о которыхъ запрашивалъ Вася Волотовъ. По неволѣ приходилось иногда пускаться въ собственныя соображенія и догадки; но насколько было въ нихъ правды, теперь уже не помню.

Какъ бы тамъ ни было, но я продолжалъ оставаться въ роли учителя Васи, и наши взаимныя бесѣды, разговоры, вопросы и отвѣты не прекращались во все время совмѣстной жизни. Тутъ я воочию убѣдился въ его блестящихъ дарова-

ніяхъ и изумительной памяти. Самая его внѣшность и время-препровожденіе оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Онъ былъ какъ-то не по лѣтамъ серьезенъ, не по-дѣтски сосредоточенъ, говорилъ рѣдко, отчетливо, съ особой интонаціей, какъ у взрослого человѣка. Никогда не порывался онъ, какъ другія дѣти, уйти на улицу, завести игры съ другими мальчиками, напракзавить, напалить: онъ держался больше собственного дома и рѣдко оставлялъ общество своей матери, бабушки, или мое. Приходившіе съ нимъ въ соприкосновеніе взрослые точно такъ же изумлялись его необыкновеннымъ способностямъ, поражались серьезностью его вопросовъ, осмысленностью отвѣтовъ, своеобразнымъ поведеніемъ, и радовались за Марью Ивановну, что Богъ послалъ ей такого сына.

Въ 1859 году ученіе мое въ селѣ Кравотынѣ кончилось, и я былъ переведенъ отцомъ въ г. Осташковъ, въ одну изъ школъ. Съ того времени связь моя съ семьей Болотовыхъ порвалась, а наши дороги разошлись. Слышалъ я по временамъ, съ какимъ блестящимъ успѣхомъ В. В. Болотовъ шелъ по пути своего образованія въ духовномъ училищѣ, семинаріи и академіи, вездѣ оставаясь свѣтлымъ феноменомъ среди своихъ товарищей,—и мнѣ по тѣмъ впечатлѣніямъ, какія у меня о немъ остались, казалось, что иначе и быть не должно. Меня же судьба повела по другому, болѣе скромному пути: долгое время былъ я городскимъ приходскимъ учителемъ, тянулъ потомъ лямку полицейскаго чиновника, служилъ по городскимъ выборамъ, а теперь поставленъ во главѣ городского управленія. Но нигдѣ я не забывалъ и никогда не забуду того маленькаго Васи Болотова, съ которымъ въ своемъ отрочествѣ я провелъ такъ много отрадныхъ часовъ, дѣлясь съ нимъ дѣтскими мыслями и разрѣшая дѣтскія недоумѣнія. Не забуду и его добрѣйшихъ матери и бабушки, пріютившихъ меня въ своей семьѣ, какъ родного сына. Никого уже не осталось теперь изъ этой семьи, но всѣ эти милыя лица стоятъ предо мною, какъ живыя, въ своей скромной домаш-

ней обстановкѣ, полной взаимной любви и мира, непрерывнаго труда и незлобія къ окружающимъ. И если только можно просить у Бога *для умершихъ* земного счастія, то я молилъ бы объ одномъ: пусть эта семья, такъ нѣжно любившая другъ друга при жизни, останется неразлучною и въ томъ лучшемъ, загробномъ мірѣ!!

Д. А. Лебедевъ.

15 января 1901 г.

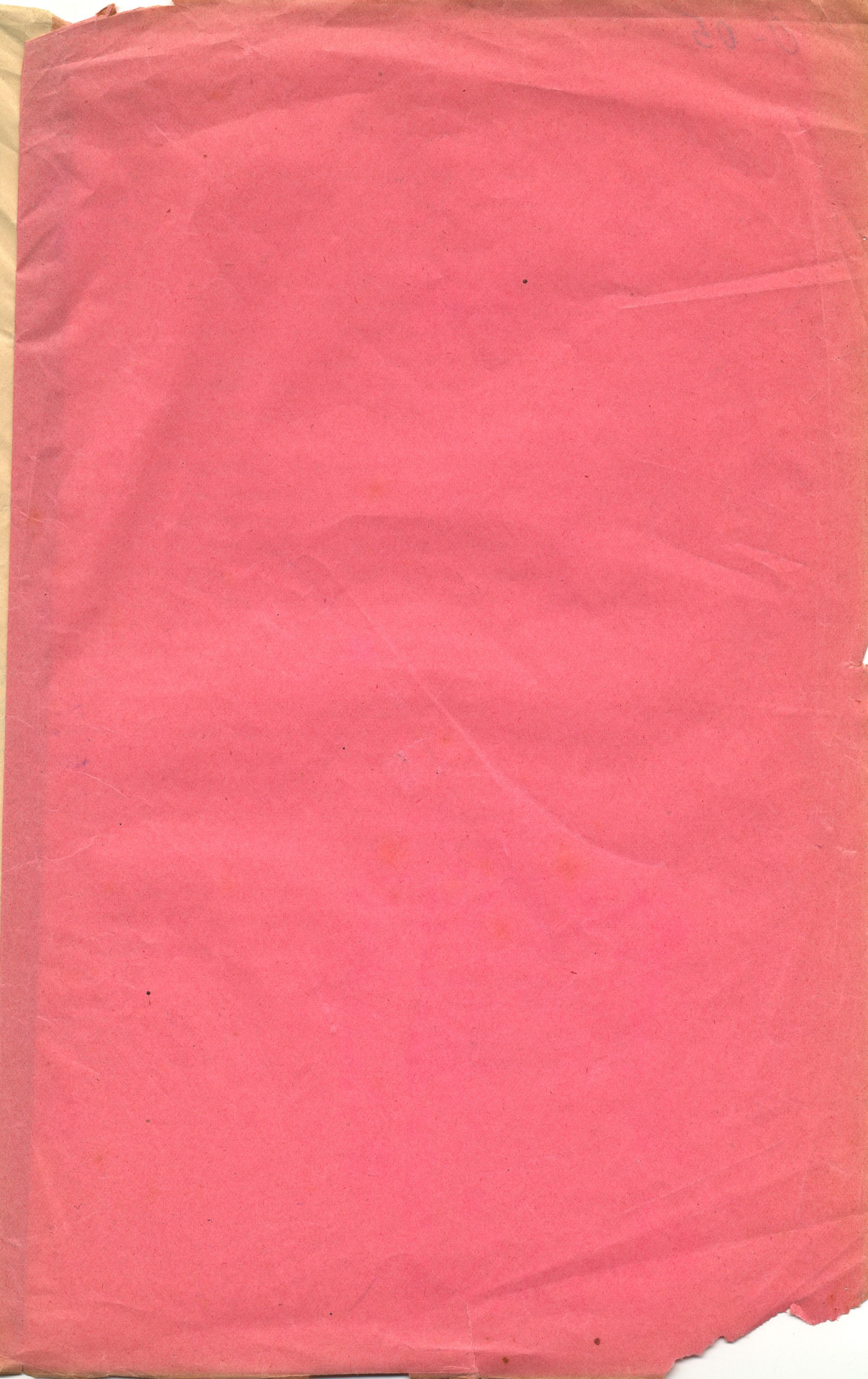
Гор. Осташковъ.

116878

Печатано по распоряж. тверс. уч. арх. ком. отъ 22 фев. 1901 г. за № 75.

Тверь. Типографія губернскаго правленія.

Областная библиотека
им. А. М. Горького
гор. Калинин

0-05

Faint, illegible text at the top of the page, possibly bleed-through from the reverse side.

Second block of faint, illegible text in the upper middle section.

Third block of faint, illegible text in the middle section.

Fourth block of faint, illegible text in the lower middle section.

Fifth block of faint, illegible text in the lower section.

Sixth block of faint, illegible text near the bottom of the page.

Seventh block of faint, illegible text at the very bottom of the page.